

Андыусев Б.Е. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ БЫТИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ТРУДА

Ярко выраженный практицизм сибирских крестьян, приобретенные ими в сибирских условиях трудовые умения и навыки повлияли на характеристики используемых орудий труда. Сибиряки использовали старорусские орудия, но значительно изменяли или даже переделывали их в соответствии с условиями тайги или лесостепи, степи или предгорий, болотистых или каменистых почв. Поэтому обвинения в консерватизме и нежелании использовать «прогрессивные» технологии и орудия труда по отношению к сибирским крестьянам поверхностны. Данные характеристики давались в XIX – начале XX вв. людьми, пытавшимися судить о сельском хозяйстве Сибири с позиций Великороссии. Н.М. Ядринцев вполне справедливо высказался об этом: «...в Сибири надобно всегда обращать внимание на те сельскохозяйственные условия..., которые поглощают громадное количество времени и труда. Те мерки, которыми мы привыкли мерить в Западной Европе или в России, здесь неприемлемы. И многое, что разумно и пригодно там, будет нерационально и вредно здесь».

ВСПАШКА ЗЕМЛИ

Если на первых порах хозяйственного освоения сибирского края в документах упоминается старорусская соха-рогальюха (по-сибирски — «рукопашка»), то в XIX в. наблюдается ярко выраженное многообразие ее вариантов и видоизменений. Соха по-прежнему используется более в таежной зоне, где глинисто-песчаная почва и обилие корней заставляли пользоваться легким и поворотливым орудием. В соху запрягали одну лошадь. Однако по мере перехода от «росчисти» к «перелогу» крестьяне усовершенствовали сохи и изменили их конструкцию. Наиболее распространенными к середине XIX в. становятся тяжелые колесные сохи. В различных районах они назывались по-разному: «аранка», «сабан», «сабань», «колесуха», «колесьянка».

В Енисейской губернии под понятием «сабан» подразумевали двухко-лесную пароконную соху, «сабань» — одноколесную паро-конную соху для пахоты на горных склонах. Но в любом случае устройство «сабана» или «колесухи» более напоминало деревянный плуг. Технология пахоты при этом не походила на пахоту ни с помощью сохи, ни с помощью плуга. На примере «сабана» рассмотрим мудрое отношение сибиряков к земле и их изобретательность.

Как и большинство сибирских орудий труда, сабан изготавливался из дерева, с отдельными

металлическими деталями. Основой сабана была «разсоха», т.е. часть ствола длиной около 45 – 50 см с толстой веткой, «ножкой разсохи». На конце ствол раздваивали, на концы их надевались сошники. Ветка березы отходила от ствола под углом 135 – 140 градусов. Диаметр ее составлял 12 – 14 см, а длина около 1 м. К верхнему концу разсохи крепился поперечный брусок-рогаль, служивший ручками пахарю. Сквозь ветку-разсоху сверлилось отверстие для полутора-двухметровой стрелы — деревянного бруса диаметром 8 – 10 см. Стрела служила корпусом и одновременно тягой для разсохи с сошниками. Она прочно закреплялась в отверстии разсохи, а другим концом связывалась ремненным «гужи́ком» с осью, на концы которой надевались деревянные колеса от телеги без металлических шин. Общая длина оси достигала 40 см. Вместо чек колеса закреплялись стоявшими вертикально деревянными прутьями, верхние концы которых скреплялись горизонтальным поперечным прутком. На него укладывались во время пахоты вожжи.

Правая оглобля надевалась на конец оси между колесом и чекой, а левая крепилась посередине между колесом и местом скрепления оси со стрелой. На раздвоенную ножку разсохи надевались железные сошники, иногда с наваренными в кузнице стальными лезвиями по краям. Сошник имел форму прямоугольного треугольника. Насаженные рядом лезвия имели длину около 45 – 50 см, а длина сошников по высоте треугольника достигала 40 см. Длина трубок сошников равнялась 12 см. Правый сошник сибиряки называли «женкой»: он был плоским. Левое перо сошника, называвшееся «мужичком», было несколько загнуто кверху и служило отрезом, заменявшим плужный нож. Сошники устанавливали строго в одной плоскости. На ножке разсохи слева от левого пера сошника под углом 130 – 140 укреплялся деревянный отвал — «шабала» — из плоской доски длиной до аршина (аршин — 71,12 см).

Для регулирования глубины вспашки через ножку разсохи и стрелу проходил железный стержень до аршина длиной. Глубину вспашки регулировали специальной гайкой с наваренной ручкой: чем круче сошники, тем глубже вспашка, и наоборот.

В некоторых местах употреблялся для пахоты сабан с одним сошником, более массивным и широким.

При пахоте сабаном корни трав вырывались, при бороньбе эти корни сгребались, таким образом, пашня постоянно очищалась. Плуг же не вырывал корни, а только подрезал их, оставляя в земле. Поэтому понятна мудрость сибирских крестьян-старожилов, так долго сопротивлявшихся «нововведению» — железному плугу. Важнейшие особенности пахоты состояли в том, что соха рыхлит землю, плуг переворачивает полностью, закапывая

стерню, а сабан полупереворачивал пласт, «ставил» на ребро, поэтому при пахоте стерня и корни не только выдирались сошниками, а и остатки их сгребались бороной.

Посеянное зерно легко попадало в промежутки между полувертикальными пластами и при прохождении бороны 1 – 2 раза засыпалось землей. Оно хорошо прорастало во влажной почве на необходимой глубине и не выклеивалось птицами. Сабаном («сабанью») в сибирских селениях пахали землю вплоть до колхозных времен, пока личный интерес крестьянина не уступил администрированию.

Сошники были чаще всего покупные. Особо ценились уральские сошники, менее — Абаканского железодельного завода. Средняя цена покупного сошника составляла 1,5 рубля, сабан же можно было купить за 7,5 – 8,5 рублей.

Обычно в «сабан», «колесуху», «сабань» впрягали по 2 лошади: одну в оглобли, другую в пристяжку. Если сабан тщательно отрегулирован и сделан по правилам, то конь-коренник шел легко и не уставал, а пахота была посильна даже 14-летнему подростку.

В конце XIX в. сибиряки по-прежнему использовали соху-рукопашку и для пахоты, и для посадки и окучевания картофеля. Кое-где пахали «ле-мехом», т.е. тяжелым передковым украинским деревянным плугом. Широкое распространение железного заводского плуга было связано с массовым столыпинским переселенческим движением.

25.2. БОРОНЬБА

На боронье большей частью пользовались деревянными боронами с железными зубьями. Бороны с деревянными зубьями были только в самых бедных хозяйствах. Бороны представляли собой деревянную раму с продольными и поперечными перекладинами. В точках пересечения вколачивались железные зубья. Обычно их было 16 шт. Длина зуба бороны в среднем составляла 26 – 27 см. Стоил такой зуб 8 – 12 копеек. Таким образом, стоимость бороны доходила до 2 – 3 рублей.

Бороны в 16 зубьев были одноконной, а двойные тяжелые бороны в 32 зуба запрягались парой лошадей.

ЖАТВА (ЖНИТВО) ХЛЕБОВ

Рожь, пшеницу, ячмень жали серпом или косой-литовкой с приделанными к ним специальными граблями. В некоторых глухих местах еще в начале XX в. сохранялась древнейшая разновидность косы — коса-горбуша. Ею можно было косить как в одну, так и в другую сторону.

В Енисейской губернии особо ценились привозные серпы, называвшиеся здесь «аглицкими». Они стоили до 1,5 руб. Серпы местного производства стоили до 60 копеек. Цена «литовки» колебалась от 70

копеек до 2 рублей. Коса-литовка насаживалась на ручку с помощью кольца и клина.

Так как срезаемый пучок ржи захватывался левой рукой, то трудно было встретить сибирячку, у которой не были бы покалечены серпом пальцы левой руки (мизинец и безымянный)...

МОЛОТЬБА РУЧНАЯ

Высушенные снопы молотили в основном вручную. Кстати, посевное зерно старались смолотить без просушки в овине, «сыро-молотом». Молотили снопы цепами: к длинной (до 1,5 м) ручке через специальное воронкообразное отверстие продевали и привязывали сыромятным ремешком короткий обрубок жерди, около 0,5 м.

Однако во второй половине XIX в. в Сибири появились специальные орудия труда для молотбы — «молотяги». Устроены они были следующим образом: внутри деревянной рамы вращался массивный деревянный вал, изготовленный из толстого ствола дерева. На вал набивались выступы-«кулачки». В постромки молотяги впрягалась лошадь. Чтобы молотягу постоянно не разворачивать, на раме сверху дугообразно крепилась гибкая жердь. По данной жерди перемещалось железное кольцо, за которое и крепился кожаный ремень.

Снопы расстилались ровной дорожкой, колосьями внутрь, друг на друга. По колосьям конь вез молотягу: вал с кулачками при этом обмолачивал зерно. Молотягой за день можно было обмолотить до 200 – 300 снопов. Более производительны были тяжелые, двухвалковые молотяги. В них впрягали две лошади.

МАШИНЫ И МЕХАНИЗМЫ

В начале XX в. сибирские крестьяне, всегда отличавшиеся расчетливостью, любознательностью и практической хваткой, начали широко применять в хозяйствах различные машины и механизмы на конной тяге и даже с паровыми двигателями, локомотивами. К 1910 г. уровень технической обеспеченности сельского хозяйства Сибири превзошел общероссийский. На одно сибирское хозяйство приходилось в среднем в 2 раза больше различных земледельческих орудий, чем в Европейской России. Особо ценились здесь немецкие плуги, жнейки и сеялки из США, английские локомотивы. Охотно приобретались сложные машины — паровые молотилки, жнейки-сноповязалки, жнейки-самосбросы, сепараторы для переработки молока и т.д. Из всех губерний Сибири наиболее высоким уровнем применения машин отличались Енисейская и Амурская.

Жатва и молотба были особо трудоемки и выполнялись в кратчайшие сроки. Механизация необходима была и для сенокосения. Приобретению

сеялок не придавалось особого значения. Приведем данные о стоимости сельскохозяйственных машин в начале XX в.: Дисковая сеялка — 140 — 200 руб.

Жатка-самосброска — 200 руб. Сенокосилка — 130 — 165 руб. Сноповязалка — до 400 руб.

ИНВЕНТАРЬ ПОДВОРЬЯ

В ходе выполнения всего цикла работ крестьянин пользовался, прежде всего, тягловой силой лошади: пахал, сеял, окучивал, косил, сгребал сено, впрягая лошадь в различные орудия труда. Как основное средство передвижения лошадь была незаменима на бескрайних просторах сибирского края.

В зимнее время основной повозкой были дровни. На них перевозили грузы: сено, дрова, строевой лес, снопы из кладей, навоз для удобрения пашни и многое другое. Дровни — это широкие, устойчивые, вместительные и грузоподъемные сани. При перевозке бревен на дровни клались специальные колодки, а под вершинки бревен — сани-подсанки, соединенные с дровнями веревками.

Для перевозки более легкого груза и для езды использовались сани-розвальни. Изготавливались они таким образом. Из ровной, срубленной на возвышенности весной березы вытесывали брусья, отесывали с трех сторон, тщательно распаривали и выгибали на специальном приспособлении полозья. После высыхания в полозья врубались стойки-копылья и подкопыльники. Затем установленные параллельно полозья стягивались через копылья сырыми березовыми жердочками-вязками. Концы вязков стягивались ивовым прутком. На копылья и подкопыльники сверху врубалась нахлестка. Так же вязками стягивались передние выгнутые концы полозьев. С боков к саням крепились слегка согнутые «отводины». Завершала процесс изготовления саней-розвальней установка оглоблей и высокой спинки на задке саней.

Возок или выездные сани часто делали с облучком, с расписными спинками. Из тонких ивовых прутьев сплетали кошеву (кошевку). Непременным атрибутом саней и возков были «даха» («дох») и «полость» — специальный мешок из медвежьих или волчьих шкур для ног седока.

Летом коня запрягали в телегу. Одноколая телега — это двухколесная повозка, а двуколая — четырехколесная. У многих сибирских крестьян были дроги и тарантасы. Для перевозки летом длинных жердей и слег использовали передки телег или специальные «волоки». Копны на покосе свозили к «зароду» на волокушах или прямо по земле обвязанными веревками.

Конская упряжь включала в себя хомут, седелку с подпругой, черес-седельник, шлею, подбрюшник, вожжи и узду с удилами. Хомут — основная деталь

упряжи — собирався из двух деревянных половинок — клеще-вин — и соломенного «калача», обшитых кожей. Клещевину внизу стягивались сыромятным кожаным ремешком — супонью. К упряжи относились так-же седло и дуга.

Обычно сибиряк-старожил имел для всех лошадей и рабочую упряжь, и праздничную — для «выезда», богато украшенную от-делкой из кожи и ме-талла, колокольцами. Крайне необходимы были в суровых сибирских условиях попоны и покрывала для «убере-женья» лошади.

Конский инвентарь, телеги, повозки, сани и упряжь хранили в завозне. Используемая упряжь висела у конского стойла, а новая — в амбаре или «казенке». В хозяйстве был инвентарь для ухода за лошадьми и инструменты. Определенных расходов требовала еже-годная перековка их в кузнице.

Особенностью хозяйствования настоящего крестьянина было наличие всего комплекса необходимого инвентаря для всех без ис-ключения видов работ как в поле, так и во дворе. Практически все орудия и инвентарь изготавливались из дерева. Это и деревянные трехрожковые вилы (ручники, полустоговые и стоговые вилы), и грабли, лопаты нескольких видов, подавалки для снопов, совки, де-ревянные клещи в бане, лестницы, мялки для конопли и льна, тре-пала и многое другое.

На подворье стояло несколько корыт и бадей для скота. Были и специальные зимние лопаты для очистки снега, и инструменты для сбрасывания снега с крыши дома. В разных местах, на гумне, в «стаях», в амбаре, под навесом, в конюшне, на «чистом» и «скот-ском» дворах, обязательно хранились «свои» метлы. Инвентарь со-держался на подворье в раз и навсегда отведенных для этого местах («знал свое место»). Строгий порядок, чистота и аккуратность в из-готовле-нии и хранении всего необходимого были отличительной чертой истинного, хозяйственного старожила-сибиряка.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЫТИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН

РОЛЬ ТРУДА В ЖИЗНИ СИБИРЯКА

Богатство, созданное преобразовательным трудом — один из самых важных атрибутов социального престижа русских крестьян-старожилов.

(Сибирский историк Е.А. Ерохина)

Преобразование пространства означало воссоздание пригодной для русского человека среды жизни и трудовой деятельности. Воз-никновение городов и селений, формирование развитой сети сухо-путных путей сообщения, создание производящего хозяйства по-требовало от сибиряков огромных усилий. Освоение края связано и с процессом творчества: для

земледельца — отказ от слепого воспроизводства привычной системы земледелия в новых краях.

Труд приобретал в сознании двойное значение: с одной стороны, был инструментом преобразования природной среды, с другой — сам стал объектом преобразования в ходе адаптации. Труд был условием благополучия и достатка в мире старожил. Труд обеспечивал право на увеселения, праздники, занимал ведущие позиции как мера оценки личности в старожильческом социуме. «За-рывной», успешный труд есть условие доброй славы... Мужик об чем больше думать, как не о пашне, не о работе, а робить, а пашню пахать, чтобы быть сытым со всем своим семейством», — писал А.П. Щапов об ангарских крестьянах.

Зафиксированные в источниках «захватное» землевладение, купля-продажа пашенной земли, споры о правах на «очерченные» участки показывают наличие в сознании старожил ценности индивидуальной собственности и труда. Неудивительно, что в сибирских условиях и «захватная» возделанная пашня, и расчищенная покосная земля сдавались в аренду, продавались своим или чужим людям, передавались по наследству.

Современники отмечали в середине XIX в.: «Каждый крестьянин считает землю своей собственностью и продает ее другому». При этом ограничения в размерах, по данным этнографа А.А. Савельева, в таежных районах не было вплоть до начала XX в. В Приангарье говорили при этом: «Скуль надо (земли), стуль можешь разчертить».

Спор о праве «первенства» касался не только земли и мог дойти до курьеза. Был случай, что «крестьянин д. Бузыкановой М.Ф. заметил вблизи деревни лисицу, и пока собирался ее убить, ответчик И.К. убил зверя». Вследствие чего истец М.Ф. просил суд взыскать с И.К. половину стоимости шкуры. Шкура лисицы была продана за 3 рубля 40 копеек, и, руководствуясь местным обычаем, суд взыскал в пользу истца третью часть ее стоимости.

В мирских характеристиках выборных лиц в качестве важного условия соответствия должности следуют формулировки «усердный робить», «в хлебопашестве искусный», хлебопашеством занимается успешно». При этом даже качества животных крестьянское сознание оценивало по их «трудовым возможностям». Например, по иску ангарского крестьянина А.М. к Ф.Р. по факту убийства ответчиком беспривязной охотничьей собаки вместо требуемых истцом 5 рублей волостным судом было взыскано 1 рубль 50 копеек согласно мотивировке: «Собака была не из удачных (то есть не из добычливых на охоте)». В оценке по другому судебному делу стоимость погибшей лошади вместо требуемых истцом 10 рублей была волостным

судом оценена в 8 рублей, так как «она была ленива в работе».

Характер труда зависел от природно-географических условий проживания людей, сезонного характера занятий. У старожилов притрактовых селений можно выделить первостепенную роль профессиональной «ямщины». Охота и рыбная ловля для ангарских крестьян имели настолько значимую ценность, что с наступлением сезона осенней охоты или ловли рыбы в «ямах» они все уходили на «промысел». Но заниматься этим в летнюю пору не позволял себе ни один землепашец. Поэтому круг хозяйственной жизни сопровождался выходом на ведущие позиции одного из видов труда, в зависимости от времени года.

Для сибиряков было характерно преимущество труда в личном домохозяйстве перед трудом общественным. Волостные старшины постоянно обращались к енисейскому губернатору с просьбой об отпуске в период уборки урожая. Старшина Исай Григорьев Ермолаев так мотивировал свою просьбу: «... Дабы направить и не уронить хозяйство, я имею честь просить отпуск с августа по 15 октября» (1879 г.).

При этом даже едва намечившаяся угроза домохозяйству заставляла крестьянина отказываться от общественной должности.

«Кандидат волостного старшины Ключинской деревни Балахтинской волости... по наставшему одиночеству и расстраивающему хозяйству, которое может прийти в совершенный упадок», был поддержан в просьбе односельчанами и переизбран. Новый кандидат был выбран с условием, что «может исполнять должность без утруждения своего хозяйства».

«Кандидат сельского старшины Иннокентий Сешнев просил нас избрать вместо его... по случаю болезни и взятия его брата в военную службу, дабы требует хозяйство его поддержки и не пришло в крайнее разорение».

В Балахтинской волости в 1872 г. по распоряжению волостного правления по всем селениям волости составлялись списки крестьян, «наиболее отличившихся в занятии хлебопашеством». В списки включались хозяйства с пашней более 10 десятин. Так, в с. Балахтинском отмечено 64 подобных домохозяйства с числом хлебопашцев 157 человек, обрабатывавших 1074 дес. пашни, что составляло в среднем по 6,84 дес. на одного крестьянина и по 16,78 дес. на одно хозяйство. При этом в хозяйствах с одним хлебопашцем обрабатывалось от 12 до 17 дес. пашни, с двумя — от 11 до 20 дес., с тремя — от 12 до 25 дес. Четверо хлебопашцев в семье обрабатывали по 22 – 26 дес. пашни, а большие семьи с пятью хлебопашцами — до 50 дес.

В с. Игрышевском на 18 душ м.п. четырех домохозяйств отличившихся хлебопашцев

приходилось 97 дес. пашни, то есть в среднем приходилось по 5,38 дес. на одного крестьянина и по 24 дес. пашенной земли на одно хозяйство.

Традиционное российское неприятие «стяжательства», «скопи-домства», богатства в ментальной картине мира изменило свою полярность. Бытовавшее в этническом сознании негативное отношение к зажиточности меняется, и даже богатство становится мерой «угодности Богу». Будучи одним из основ ментальности, стремление к зажиточности большинством современников часто рисовалось как негативная привычка сибиряка к «корысти, приобретению, наживе».

В начале XX в. резко углубляется выраженная противоположность в характере социального идеала старожилов и переселенцев. Массовый поток «стольпинских» переселенцев сформировал иное качественное поле ментальности великорусской общины на территории Сибири в переселенческих поселках. В отличие от своих предшественников XIX в. — середняков-«самоходов», стремившихся влиться в старожильческое сообщество по правилам сибиряков, новоселы-«лапотошники» часто пытались навязать старожилам свои традиции и миропорядок.

Вот типичное проявление ментальности бедняков Европейской России. В 1910 г. переселенцы участка Богомолovo Покровского сельского общества обратились с жалобой на старожилов с. Усть-ян-ского, не желающих поделиться с ними пашенными землями. Переселенцы писали в границах своей «урavnительной ментальности»: «Старожилов с. Устьянского все дети мужского пола без различия возраста, даже мальчики, родившиеся в 1910 г., получили земельные наделы, а наши мальчики возраста по 9 и 12 лет остаются бобылями». Они просили наделить их землей за счет «общего уравнения» всех крестьян двух общин.

О выраженном «несибирском» образе труда и жизни говорят в корреспонденции из переселенческих поселков: «В любой переселенческой избе нечистота, зловоние, тараканы, клопы. Точно на короткий срок и в чужое жилье попал в свою лачугу «новосел». И нет у него ни времени, ни возможности навести порядок». Мы добавим, что главной причиной было сохранение типичного образа избы в картине мира переселенца. О подобной «традиции» писал еще В.О. Ключевский: «Крестьянские поселки по Волге и... других местах... доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят... впечатление временных...».

Основным инструментом формирования данного социального идеала явился труд. Объяснить это можно словами высокопрофессионального аналитика сибирской жизни С.П. Капустина: «Переселенец из России, приходя сюда, остается доволен, хвалит новое

мес-то и пишет своим, чтоб ехали в эту благодатную страну. Но это не значит, что, придя сюда, добыл средства к жизни без на-пряженного труда. Это значит только то, что здесь есть воз-можность приложить привычный труд, притом труд действи-тельно на самого себя, труд, дающий хорошие результаты».

Трудовой процесс был одновременно частью широкого круга ритуально-обрядовых действий, отступить от которых было равносильно отказу от веры, традиций.

КРУГЛЫЙ ГОД: ЦИКЛ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАБОТ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАБОТ

ВЕСНА

Ярко начинало пригревать солнце, начинало капать с крыш, и приходили весенние заботы сибирского крестьянина. Пока не рас-таял снег, вывозились после-дние запасы сена. Ремонтировался хо-зяйственный инвентарь, телеги, плуги, бороны, проверялась и чи-нилась лошадиная сбруя. Из погреба и ямы выно-силась картофель, перебирался для посадки и расстилался в помещении для проращи-вания. На берегу конопатились и смолились лодки. В крестьянских хозяйствах завершался отел коров. Завершали и обмолот хлеба. Причем во многих селениях Енисейской губернии устраивали праздник окончания мо-лотьбы — «имянины овина». Оставив снопов 100 необмолоченными, крес-тьянин приглашал гостей и, совместно закончив работу, устраивал праздничную «гулян-ку» с обильным угощением и катанием на конях с колокольчиками. Женщи-ны по потемневшему насту белили холсты.

В приангарских селениях была распространена в это время охота на лося «по насту». Твердая корка весеннего снега выдерживала человека и собаку, а сохатый проваливался, ранил ноги. Пре-следование продолжалось по 50 – 70 верст, пока охотник на лыжах и собака не загоняли лося. Способ, конечно, был хищническим, вследствие чего к концу XIX в. дичи и зверя в тайге стало заметно меньше.

Едва сходил снег, во многих местах начинали заготавливать дрова на следующую зиму. Крестьянин с сыновьями уезжали на не-сколько дней на лесную деля-ну и жили в шалаше, топором, вруч-ную, заготавливая при этом десятка три кубических аршина дров. «Зимнее тепло» доставалось большим напряжением сил и здоровья.

Под яровые посевы землю пахали в конце апреля, а сев обычно начи-нали с 1 мая по старому стилю (с 13 мая в XIX в., по новому стилю) — в день Еремея Запрягальника. День выезда на пашню оп-ределялся по десяткам примет. «Сев хлеба — не простое дело, а об нем вся молитва Богу», — говорили сибиряки.

Накануне мужчины обяза-тельно мылись в бане, надевали чистую одежду. Утром вся семья собиралась за столом. Ставили хлеб с солью, зажигали перед иконой восковую свечу и молились. Затем старший в семье, «боль-шак», благословлял всех отправляющихся на сев. Поцеловавшись, отправлялись на пашню. Землю в Сибири было принято готовить тща-тельно: пахали поле дважды и даже трижды. Она была 1 – 2 раза вспахана осенью. Сейчас первым делом проводили риту-альную борозду — зачин. Сеяли рожь и пшеницу, затем овес и ячмень. Считалось обязательным выжигание старой травы и стерни перед пахотой — это называлось «пускать палы». Часто выжигали и покосы.

Еще в XVIII в. с «палами» пытались бороться. Вот строки из докумен-та: «Понеже ныне около боров и протчих лесов по степям снега уже сошли, и по обыкновенном здешнего народа вертопраше-стве от запаления пашен и покосов подлежит немалая опасность... Следить, чтобы покосов сенных и пашен без необходимой надоб-ности не опаливать».

На одной лошади можно было вспахать до полдесятины мягкой пашни. Для вспашки 12 – 16 дес. пашни требовалось не менее 5 – 6 лошадей при трех-четырёх работниках. Сеяли вручную, как под плуг, так и под боро-ну. На одну десятину разбрасывали по 12 – 15 пудов зерна. На заделку семян уходило от 1 до 2 дней на одну десятину. На бороньбе в день на одной лошади обрабатывали до 1 десятины пашни. За день можно было засеять на одной лошади 3 осьмины овса, 2,5 осьмины ячменя или 2 осьмины пшени-цы (2 осьмины — полдесятины пашни).

После сева обязательно мылись в бане. «Мужик отпаривается, а конь отстаивается», — говорили сибиряки.

Женщины примерно в то же время высевали семена овощей в рассадники, которые загодя сложили мужчины. Рассадниками в Сибири называли парники — сложенные из навоза грядки с высо-кими бортами, закры-вавшиеся на ночь тряпками или старыми шу-бами. Все работы в огороде вы-полнялись женщинами. Сибиряки считали, что все посаженное руками мужчины на ого-роде не уро-дится.

Картофель в Енисейской губернии сажали на пашне под «са-бань», ру-ками, на свежей отдохнувшей пашне. В среднем хозяин сажал до 3-х загонов на пашне. Один загон — учас-ток 5 на 40 сажен. На загон уходило по 5 – 6 ведер картофеля. Посадочный материал брали крупный и делили его, разрезая на 2 – 5 частей с ростками. Урожай «сам – 10–12» считался плохим, средним — урожай «сам – 20», а хорошим «сам – 40–45».

В конце апреля — начале мая на Ангаре и Енисее наступал пе-риод охоты на водоплавающую дичь. На этот «несерьезный» про-мысел выходила молодежь.

Цены 1900 – 1901 гг. на дичь в Енисей-ской губернии были следующие: гусь — 30 копеек, глухарь — 25–30 копеек, тетерев — 12–15 копеек, рябчик — 5–6 копеек. Вскоре после ледохода продолжался недолгий период рыбной ловли неводами или «мордами». Одновременно важнейшим весенним занятием сибиряков был сбор черемши — первого средства от цинги. Собирали ее главным образом в праздничный день, когда было грех выполнять иную работу, набирали мешками: ее квасили, солили, употребляли свежей. В это же время в лесу собирали листовничную серу.

Еще не сошел снег, а на первую траву выгоняли скот. Пастуха обычно нанимали сообща, «краем» или улицей. Вокруг селения весной подновляли поскотину. А в конце мая начинался период, весьма неприятный для скотины, — массовый лет гнуса. Каких только ухищрений не придумали сибиряки в разных районах своих для предохранения скота от мошки, овода и слепня! Себя сибиряки от гнуса спасали, как писали современники, так: «Из конского волоса ткнут личины... от мошки, комара, шьют комарники» — рубахи без нагрудного разреза, «мажутся» дегтем. Именно весна являлась временем смолокурения, выгонки дегтя из бересты в специальных ямах. Бересты немало заготавливали и для изготовления туесов, на коробки, на крыши строений.

Быстро и незаметно в трудах и заботах весна плавно переходила в лето. Только, казалось, самое трудное позади — сев, как тут же нужно запрягать лошадей и выезжать на перепашку прошлогодней «жнивны». И, главное, поднимать «залог» и «залежи». В условиях залежно-паровой системы земледелия пашня давала неплохой урожай в течение 4 – 7 лет. При простом севообороте чередовали: пар — яровая пшеница — рожь — пар — овес и т.д., при сложном — пар — рожь — пар — рожь — яровая пшеница — пар. Далее пашня не обрабатывалась в течение 18 – 20 лет. Признаками «отдохнувшей» пашни были деревца толщиной с «человеческую руку», цветение лютиков и др. Затем следовал «первый подъем» — залог: верхний слой перепаханной земли в первый год сгнивал. На второй год пашня могла «родить», но считалось, что земля еще «кислая» и посевы больше дадут солому, чем зерно. На третий год сеяли пшеницу, овес, на четвертый — рожь и т.д. Постоянная смена пашенных земель не требовала удобрения навозом, и вплоть до начала XX в. агротехнические приемы мало изменялись.

ЛЕТО

Лето в Сибири непродолжительное, но это самое напряженное время во всем цикле работ земледельца. Пашня зеленеет не только всходами, но и сорной

травой. Женщины выходили на прополку хлебов. Для прополки одной десятины посевов двум женщинам нужно было 4 дня работы. Мужчины продолжали готовить землю под будущие посевы.

Своих забот сибиряку предостаточно, а тут еще в это время губернские и уездные власти ежегодно организовывали «выгонки на мосты и дороги, на тракты», на ремонтные работы в порядке отработки повинностей.

Подходила пора сенокоса, и сибиряки в «охотку» выезжали на покосы. Накануне во всех селениях стоял стук-перестук молоточков: отбивались косы. Одновременно крестьяне на сходах окончательно определялись с сенокосными угодьями. В разных районах сибирского края по-разному устанавливалась система сенокосения. Во многих и многих селениях покосы были семейные, переходящие по наследству. Совместно расчищались не только пашни, но и покосы, а чаще через несколько лет начинали выкашивать использованные пашни. Это же могло быть с заимочными землями и займищами. Подобные покосы чаще всего были разбросаны клочками по лесу, иногда в 5 – 6 местах.

В других общинах было принято ежегодно переделывать покосные земли долями с учетом нескольких показателей для крестьянских хозяйств. Одновременно община выделяла часть покосной земли для занятия их на сезон желающих: так, в Западной Сибири в определенный день «на равных основаниях» устраивался состязательный «бег на гриву». И в первом, и во втором случаях исконно существовало и существует доныне правило «первого закоса». Если на занятой поляне или выделенном покосе хозяин делал лишь небольшой прокос, то в случае занятия покоса другим человеком и выкашивания его сметанные стога забирал истинный хозяин.

На покос домохозяин с сыновьями уезжал обычно на неделю-две: жили здесь в «балагане» — шалаше, косили, «пока роса» — в утреннее время и от полдника до ночи. В жаркие дневные часы или отдыхали, или, между делом, «сочили» березник, готовили на зиму веники для бани и пр. По мере подсыхания валков сена к общему труду подключались женщины и подростки: переворачивали валки, сушили сено, сгребали и ставили в копны. Впрочем, в различных районах Сибири заготавливали сено по-разному, в зависимости от климатических и ландшафтных условий. Крестьянская мудрость тонко учитывала степень трудовых усилий, возможность вывоза сена на подворье, климат.

В северных селениях сено сушили на «вешалах» и сразу вывозили по поветям, а в центральных и южных — ставили «зароды» («зарот», «зарод») в десятки копен или стога в 12 – 15 копен со стожарами

— березовыми жердями по центру стога. Метка сена всегда была артельным делом. Трудились весело, с азартом, одева-ясь, как писали, «по-праздничному». Такой совместный труд был особенно приятен сельской молодежи. Было бы только «вёдро» (жаркий солнечный день). В период сенокоса часто устраивали по-мочи, нанимали поденных работников.

Косили сена помногу; так, А.А. Макаренко писал, что на Ангаре стави-ли от 100 до 800 копен сена, накашивали от 400 до 3200 пудов. Но, несмотря на это, крестьяне жаловались, что «сена едва хватает на зимнее прокормление ско-та».

Начиная с июля (по старому стилю) сибиряки также продолжа-ли делать «рощисти» (рочисти), «двоили» и «троили» пары (т.е. пе-репахива-ли на второй и третий раз пашню), пасынковали табак. Летняя пора прино-сила с собой столько забот, что рабочий день продолжался по 16 – 18 часов в сутки, и это в невыносимой жаре, задыхаясь под головной сеткой, защищающей лицо от укусов мош-ки, комара, в условиях значи-тельной отдаленности пашен и покосов от дома.

Почти одновременно или сразу вслед за сенокосом начиналась жатва озимых хлебов. Сначала жали ячмень, затем овес, но главной культурой была рожь. Впрочем, уже в XIX в. сибирские крестьяне стали отказываться от преимущественного посева озимых хлебов и переходить на яровые, которые реже давали неурожай из-за клима-тических условий.

Убирали хлеб серпом или косою. Женщины жали серпом в день по 50 – 70 снопов хлебов средней урожайности. Одну десятину ржи можно было сжать вдвоем за 8 дней. Косой мужчина мог выкосить 1 десятину за 2 дня. Сжатый хлеб вязали в снопы, затем девять снопов ставили колосьями вверх, вплотную друг к другу, а десятый сноп надевался сверху колосьями вниз. Этот «шалаш» назывался суслоном. Из каждого суслона в среднем намолачивали до пуда и более зерна. Рожь созревала в суслонах, а затем снопы складывали в стога-клады здесь же на поле. Конечно, даже в мыслях крестьяне не могли себе представить, чтобы хлеб мог быть кем-либо похищен. В ряде районов Сиби-ри сжатую рожь вывозили сразу и складывали в кладу на гумне. За один день двое работников-крестьян могли на двух лошадях за 3 – 4 версты вывезти и сложить до 300 снопов ржи.

Рабочий день в летнюю пору начинался в 3 – 4 часа утра: отец, глава семьи 70 – 80 лет, будил свою «артель». Женщины начинали варить завтрак, доить коров. Тут же готовились к выезду на работу: наливали квас в лагуны, кислое молоко в туюски, в турсуки и битки накладывали шаньги, пироги. В холщовые мешки складывали иную снедь. Молодежь ловила лошадей (по-сибирски — «имала»), их запрягали, укладывали в телеги серпы, косы, вилы,

грабли, обеденные припасы. Сам старик на пашню или покос обычно уже не ехал, но придирчиво проверял, как запрягли телеги, все ли взяли, давал последние наставления и т. п. Вдвойне хлопот и работы в доме было при организации помочи: чем обильнее и лучше «угощали» по-мочан, тем уважительнее отзывались о хозяине, тем лучше она удавалась.

Для посева ржи на следующий год уже была приготовлена озимая пашня. Время торопило, посеять нужно было в 3 – 4 дня. Считалось, что лучшее время для сева озимых хлебов — краткий период «лета крылатых мурашей» (муравьев).

Не менее значимым для сибирячек было теребление и выстилка льна и конопли на поле. До поздней осени «посконь» мокла под утренними росами и слегка подсыхала днем под нежаркими лучами осеннего солнца. Но нужно отметить, что во всей Сибири преимущественно растили коноплю.

В летнюю и раннюю осеннюю пору собирали грибы («губы»). Грибами считались грузди, белые, рыжики, маслята, лисички. В отдельных местах под грибами подразумевались только грузди, более ничего на зиму не заготавливали. Повсеместно собирали традиционные для данной местности ягоды. Кроме этих работ, за лето нужно было вырастить молодняк скота, всей домашней «живности», сделать ремонт дома и построек, ремонт печи, подготовиться к зиме погреб, просушить одежду, сундуки, наготовить топленого масла и многое другое.

В качестве специфических летних забот приведем серьезную проблему приангарских и енисейских деревень. В каждом хозяйстве было до десятка и более охотничьих собак. В летнюю пору повсеместно случались происшествия, когда собаки загрызали десятки овец. Поэтому в 20-х числах апреля ежегодно сходы принимали строгое решение о привязи собак на все лето. Но часто собаки срывались с цепи и тогда...

Из приговоров по Пинчугской волости за 1891 г.: «... 23 овцы заедены собаками. Всякую вольную собаку стрелять. А с виновных взыскать по 1 рублю за овцу». Или: «Взыскать 33 рубля с ответчиков за 33 овцы, потравленных собаками несмотря на приговор о собаках в летнее время».

Жатва пшеницы и ржи яровой и озимой затягивалась, бывало, до самого праздника Покрова (14 октября по новому стилю). Забот и работ летом было невпроворот, но все делалось быстро, аккуратно, основательно. Таков был сибирский крестьянин.

ОСЕНЬ

По старому стилю осень начиналась несколько позднее (13 сентября в XIX в.). Во многих более северных районах в конце лета — начале осени шел

интенсивный сбор черники и брусники. На общественные брусничники выезжали согласно общей договоренности, так же, как и на клюквенные болота. Несомненно, сибиряк не мог представить зиму и без кедрового ореха. Кедровники защищались традициями и общинным правом — в них запрещалась рубка деревьев, запрещалась заготовка ореха посторонними. День выезда в кедровники определялся заранее, оговаривалось количество сборщиков от семьи, количество заготавливаемого ореха.

Продолжалась жатва хлебов. Одновременно копали картофель, убирали овощи. Еще до окончания жатвы во многих местах, в частности в Приангарье, наступал сезон рыбной ловли. На реке старики и молодежь устраивали переметы и самоловы. Жили здесь же, в шалашах. «Лучили» темными ночами острогой рыбу. Массовый лов шел в «ямах» на Ангаре, примерно в десяти местах. Здесь собирались рыбаки из разных деревень, иногда по 700 лодок в одну «яму».

В промысловых районах со дня Покрова начиналась пора охоты. Селения пустели после праздника, почти все мужчины уходили в лес. У крестьян были в лесу свои «ухожья» (угожья), все — за 40 – 150 верст от селения. Переходили «ухожья» в семьях из поколения в поколение. Охотиться на чужом участке не позволялось. Припасы для охоты брали в лавках в кредит. Порох, дробь и иные припасы, продукты везли в лес на лошадях. Груз достигал веса в 5 – 7 пудов. На промысел провожали торжественно: пили чай, затем, помолчав, вставали, молились с поклонами, старшие в семье благословляли охотника. С поцелуями и плачем провожали за деревню, ведь охотник мог и не вернуться живым с промысла...

На охотничьем участке («ухожье») стояла избушка с нарами и «каменкой» (печью), топившейся по черному. В избушке жили по 2 – 5 человек. Варили чай, готовили ужин по очереди. Питались вместе, «артельно». Одевались в теплую, удобную, приспособленную для охоты одежду. Например, к шапке сзади пришивали холщовую тряпку — лузан, чтобы снег не попадал за воротник.

В конце XIX – начале XX вв. порох стоил примерно 60 – 70 копеек за фунт, свинец — 15 копеек за фунт, пистоны — 15 копеек за сотню, винтовка стоила около 6 – 9 рублей, дробовое ружье — от 5 до 9 рублей.

Сибиряки добывали различную дичь: соболей, белок, медведей, хорьков, горностаев, росомх, волков, лисиц, лосей, оленей, маралов. Кроме ружейной охоты, использовали ловушки, петли, ловчие ямы и пр.

Возвращались охотники в ноябре, уставшие и «закопченные», но с добычей. Пушнину сдавали как в лавку, так и приезжему скупщику, часто себе в убыток.

По несколько дней в честь возвращения с охоты в деревнях Приангарья продолжались «гулянки».

С началом первых серьезных заморозков рубили капусту со-вместно всей семьей или устраивая помочи — «капустники»; жен-щины совместно чистили ее, шинковали, солили. Заканчивали вспашку зяби. Поднимали на просушку и вывозили коноплю и лен. Далее лен сушили, трепали, мяли и чесали, затем из «поскони» пряли пряжу на «вечерках» и «беседах» («моты мотали — дни коротали»).

Если подсчитать общие затраты труда на сельско-хозяйст-вен-ные работы, то в среднем они были следующими для членов семьи:

мужской труд — 48 1/2 дней на одного мужчину;

женский труд — 13 1/2 дней на одну женщину;

детский труд — 9 1/2 дней на одного подростка.

Необходимо отметить, что в начале XX в. все большее распро-странение начинает приобретать удобрение пашни навозом. Связано это с «утеснением» земельного владения и резким ограничением в «перелог» пашни. Поэтому крестьяне вынуждены были переходить на трехполье с удобрением пара. Несмотря на унавоживание земли урожаи стали стремительно падать. Для получения навоза на одну десятину требовалось, чтобы в хозяйстве было две лошади, три коровы, три овцы. На десятину пашни необходимо было вывезти не менее 120 – 200 телег-двуколок. За день на поле, расположенное за 3 – 4 версты, делали в среднем по восемь ездов. Отсюда, для удобрения одной десятины требовалось до 20 человекодней.

Заканчивалась осень, и после дня Покрова начинался период осенне-зимних праздников, спадало трудовое напряжение. Поэтому сибиряк с особым удовольствием ждал приближения зимы...

ЗИМА

Зима начиналась с выпадения первого постоянного снега. Обычно после дня Покрова погода становилась неустойчивой. «Покров землю кроет», — говорили сибиряки. Это и начало зимы, и начало расчета пастухов, сезонных работников, начало молодежных «вечерок» и, конечно, череды свадеб как в селах, так и в городах.

Сибирские реки быстро покрывались сплошным месивом мел-кого льда и снега — «шугой» (в ряде мест, по-сибирски, — «салом»). С замерзанием льда и поверхности земли начиналась пора молотбы. В Сибири хлеб молотили даже в лютые морозы, часто на выровненном льду. Обмолоченный хлеб сдавали в счет податей, за-сыпали в общественный «магазин», заполняли сусеки своих амбаров, везли на продажу в город или продавали скупщикам для вывоза на прииски.

С первыми морозами и снегом крестьяне начинали повсеместно вывозить с заимок и займищ снопы из хлебных кладей, высохшие за лето в лесных делянах дрова, сено из зародов. В среднем за один раз на санях вывозилось по три копны (три копны — один «воз»).

В конце октября, с устойчивыми морозами, начинали резать скот. Многочисленные данные свидетельствуют о высоких требованиях к человеку, к его умениям и навыкам, но никогда в Сибири не осуждали за неумение «резать скотину»; в каждом селении были свои «профессионалы» этого дела, которые по приглашению помогали хозяину.

В это же время «общества» начинали отряжать крестьян с лошадьми на «гоньбу» — отработку ямщицкой повинности на тракт. Крестьянин основательно собирался на 3 – 4 недели: брал с собой собачью «доху», медвежью или волчью «полость» в кошеву, смену теплой одежды, маленькую дорожную икону святого Николая, теплую попону-накидку для лошади и мешок овса, и, конечно, мешок замороженных пельменей.

Долгими зимними днями и вечерами крестьянин столярничал, занимался посильным ремеслом, ремонтировал орудия труда и инвентарь, выполнял текущие работы на подворье. После напряженного летнего труда продолжительный отдых был необходим как человеку, так и лошадям.

Зима — время праздников, «гулеваний» и «гулянок», молодежных «вечерок» и «посидёнок» взрослых людей, учебы крестьянских детей в школе. В это время повсеместно устраивались съезжие праздники, ярмарки («ярманки»), по деревням ездили мелкие торговцы, устраивая меновую торговлю. Крестьяне запасались всем необходимым, от гвоздей до модной праздничной одежды и обуви.

Идет зима, крестьянин работает на подворье, готовится к новому циклу сельскохозяйственных работ, веселится на свадьбах и праздничных застольях. Жизнь продолжается...

Весенняя рубка дров. Дроворуб — та же страда. Не нарубишь до пахоты — так зиму-то сырником и будешь топить. Те, что постарше да посильнее, отправлялись рубить дрова подальше от слободы, на начеву, т.е. ночи на три — на четыре, а то и на неделю. Ребята порубят дровишек где-нибудь недалеко: «Всё же хоть на осень истопить пригодятся». Дрова рубить весело. В лесу даром что ни зеленой травы, ни цветков нет, а полакомиться можно: берёзовка [березовый сок] побежала. Возьмешь туясок, подставишь под березку — в день-то, глядишь, полон туяс накаплет. Из маленьких березок березовка несладкая, да и мало; надо березовку цедить из больших берез. Мама нам много березовки пить не давала: гово-рит — «нездорово».

На посеве льна. Посев льна — самый для нас интересный. Кор-мить семью — дело мужичье, а одевать мужиков — дело бабье. Поэтому при посеве льна вошло в обычай задабривать мужиков тем, что в льняные семена кладут вареных яиц. Поэтому мы и любим сеять лен. Отец высыпает в лукошко семена, а с семенами яйцо за яйцом вылетают: «Робята, берите». Прямо взять да и съесть яичко нельзя, нужно его сначала подбросить кверху да сказать: «Вырасти лен выше лесу стоячего».

Говорят еще, чтобы лен хорошо родился, нужно сеять его на-гишом, но мы это никогда не пробовали: стыдно, говорить-то все говорят, а разденыся, так на смех поднимут» .

* * *

А.П. Шапов: «... В самый разгар жнитва я не только во всех речах, но и во всех неустанно-деятельных хлопотах и в самих лицах крестьян замечал полнейшую, вседушевнейшую озабоченность полевыми работами».

* * *

Г.Н. Потанин (Алтай, 1850-е гг.): «Особого совершенства этот крестьянин достигал на жнивье, где результат труда его облакался в отточенную форму, доставлявшую эстетическое удовольствие ему самому и зрителям: он прекрасно вязал снопы, прочно и красиво, и никто не мог лучше его завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчас было отличить по кра-соте конических суслонов, которая зависит от пропорциональной завязки верхнего снопа, опрокинутого вниз колосьями и служащего суслону кры-шей; если перевязка его сделана слишком далеко от жнива, суслон выйдет большеголовый, если слишком близко — наоборот. Петр Петрович удачно избегал обоих недостатков. И шейки всех суслонов приходились у него на одной высоте».

* * *

Девятов Ф.Ф. (1870 – 80-е гг.) «Средняя крестьянская семья в Минусинском округе «обыкновенно состоит из домохозяина-работ-ника, его [жены], отца-старика и старухи-матери, сына-подростка от 12 до 16 лет, двух дочерей малолетних и, наконец, маленького ребенка. Семья эта круглый год занята работой. Такая семья, имея 8 рабочих коней, 2 сохи, 5 – 6 борон, может засеять 12 десятин. На покос она выпускает 4 косы, на жнитво 5 серпов. При таком хозяй-стве представляется возможным содержать до 20 голов рогатого скота, коней, кобыл и молодняжны-подростков, всего 15 голов; овец до 20 – 30 голов и свиной 5. Гуси, утки, куры — это неотъем-лемая принадлежность такого хозяйства.

Засевается 6 десятин рожью и ярицей, 3 десятины овсом, 2 деся-тины пшеницею; а ячменем, гречею, просом, горохом, коноплею, всем вместе — 1 десятина. Картофель и репа сеются в особых местах. В годы

среднего урожая весь сбор с 3 десятин ржи, с 2 десятин овса, с 1 десятины пшеницы идет на домашнее потребление. В продажу идет хлеб с 3 десятин ржи, с 1 десятины овса и с 1 десятины пшеницы. Все другие произведения хозяйства, как-то: скотское и баранье мясо, свинина, птица, молоко, масло, шерсть, перья и прочее — всё это идет на собственное потребление в форме пищи или одежды... В лавках крестьяне забирают разные товары по счету и платят продуктами хозяйства, хлебом, скотом. Телеги, сани, дуги, сохи, бороны и все нужные орудия сельского хозяйства крестьяне делают сами. Стол, кровать, простой диван и стулья делаются мно-гими у себя дома — своими руками.

...Этим выражается почти весь годовой кругооборот трудовой крестьянской жизни. Источником ее является рабочая сила. Прибы-вает в семье рабочая сила, прибывает и увеличивается разработка земли; увеличивается посев хлеба, скотоводство» .

* * *

Зобнин Ф.К. (Западная Сибирь): «Рано утром после завтрака или чаю стали собираться на пашню. Всякое дело надо начинать с молитвой. С этого же начинается и пахота. Когда лошади уже бы-вают запряжены, вся семья собирается в горницу, затворяют двери и перед иконами затепливают свечки. Перед началом молитвы, по обычаю, все должны присесть, а потом уж вставать и молиться. По-сле молитвы в хороших семьях сыновья, отправляющиеся на пашню, кланяются родителям в ноги и просят благословения. Прежде чем выехать за ворота, часто посылают посмотреть, нет ли где бабы на улице. Дурною приметой считается, когда при таком важном выезде баба пересечет дорогу. После такой беды хоть назад воротиться...».

* * *

Кривошапкин М.Ф. (Енисейская губерния): «Пришло время сеять. Задумали завтра отправиться в поле. Начинаются приготов-ления. Прежде всего идут непременно в баню и надевают чистое белье; да мало того, что чистое, — более нравственные мужчины надевают белье даже совершенно новое, с иголки, потому что «сев хлеба — не простое дело, а об нем вся и молитва Богу!». С утра приглашается священник и служитя молебствие. Потом расстилают на столе белую скатерть и кладут ковригу с солонкою, что припрятаны с Пасхи; затепливают перед образом свечи, молятся Богу; прощаются с домашними; а если отец не сам едет, то благо-словляет детей, поклонившихся ему в ноги.

По приезду в поле закладывают лошадей; а старший хозяин на-сыпает зерно в торбу (т.е. плетушку из бересты или каких-нибудь прутиков) и оставляет ее у крыльца зимовья. Потом, как обыкно-венно, все приседают рядом; встают; молятся на все четыре

стороны; старший отправляется разбрасывать жито, а другие вспахивают. Сделав этот, по их выражению, начин (начало), возвращаются все домой, где приготовлен уже обед и собраны все родные. Остается, если близко, послать за священником, который должен благословить и хлеб, и вино и выпить с хозяином по первой рюмке. Обед кончен. Младшие члены семьи или работники отправляются пахать как следует; а старейший провожает гостей, насыпает в мешки зерно и выезжает сеять» .

* * *

Старинный способ уборки сена в сибирских условиях Скошенную траву в условиях постоянного ненастья или непо-стоян-ства погоды можно эффективно высушить следующим спосо-бом. Всю ско-шенную за день траву вечером складывают в неболь-шие «копицы». За ночь они согреваются, сено в них распаривается. Днем сено необходимо разбро-сать для просушки. Даже если день выдался пасмурным, то при небольшом ветерке влага выпаривается. К ночи подсушенное сено опять складывают в «копички», но уже побольше, в которых сено может выстаиваться два-три дня без подпревания. Затем достаточно еще раз взрыхлить на ветру или в промежуток солнечной погоды. Напоследок высушенное таким способом сено складывается в стога со «стожаром» — толстым вертикальным шестом.

Считалось, что при данном способе сушки парообразная вода быстро испаряется всего за несколько часов. Стебли сена в «волг-лом» состоянии размяг-чались, и после суточного согревания в «ко-пице» вода быстро улетучива-лась, а сами стебли сохранялись мяг-кими. За два-три дня высушенное сено оставалось совершенно зе-леным по цвету, не крошилось и не прело до зимы, полностью по-едалось скотом.

По воспоминаниям старожилов и сохранившимся описаниям в жур-налах «Русское сельское хозяйство», «Общепольный календарь» за 1895 г.

ЖЕНСКИЙ ТРУД И ЖЕНСКАЯ СУДЬБА

Совместный общепольный труд членов старожильской семьи был основой благополучия крестьянского хозяйства. Глава семьи — мужчина — прежде всего обеспечивал экономическое благополучие и «крепость» подворья, полные закрома хлеба в амбаре, корма и уход за домашней живностью. Мужской труд считался издревле основным и наиболее трудоем-ким. Но для благополучия семьи нужно было постоянно готовить пищу, стирать одежду, ткать холсты и шить, прясть и вязать «носильные» вещи, домовничать и доить коров,

ухаживать за посадками в огороде и обихаживать ребятшек, выполнять десятки иных дел. Поэтому женский труд, во-первых, органично сопоставим с мужским, и во-вторых, необходим для жизни и продолжения рода. В старой деревне только вдовый мужчина мог выйти с подойником к корове, а женщина брала топор и рубила «стаюшку» только от безысходности положения. Разделение труда с сохранением гармонии его — это, прежде всего, нравственная сторона крестьянского хозяйства.

Судьба сибирячки, ее жизненный путь определялись, главным образом, природоопределенной функцией работницы. Не зря традиционно считалось: жениться — значит взять в дом новую пару рабочих рук. Высокая самоценность работницы и вклад в «достаточность» хозяйства наделяли женщину высоким экономическим статусом. Поэтому статус женщины-работницы тесно переплетался со статусом женщины как личности. Подчеркнем, что нигде, как отмечали, женщина не пользовалась таким высоким положением в «миру», как сибирячка в сообществе «своих» общинников-старожилов. Хотя в целом, от природы, женщина занимала ведомое за мужчиной место, ее положение компенсировалось социальными правами: правом выбора, традициями обычного права, определенной свободой. Сибирячки обладали правом собственности: женщины имели право содержать на подворье личный мелкий скот или птицу для последующей продажи, сами расходовали деньги, заработанные на поденных работах.

Женский труд и трудовые взаимоотношения были основаны на системе иерархии. В «женской половине» дома главой была жена главы дома: старшая женщина, бабушка, мать. Однако по мере обзаведения сыновей своими семьями функции главы женской половины — «большухи» — переходили к жене старшего сына. В случае продолжительной отлучки хозяина дома «большуха» имела полную дееспособность на продаваемый скот, на распределение доходов. Она могла даже участвовать в сходах.

Все без исключения женщины в доме имели неприкосновенное личное имущество, деньги на мелкие повседневные расходы (на покупку украшения, нарядов и пр.). В большинстве сибирских селений было принято делить труд на отдельные составляющие и чередовать тяжелый и легкий труд. Одна из невесток варила и стряпала, другая варила мыло и изготавливала сальные свечи или выделывала спички-«серянки», третья могла в это время печь хлебы, четвертая ухаживала за скотом и т.д.

В неразделенных семьях из 8 – 16 человек практичнее и сподручнее было варить пищу в одной из изб на общем подворье в больших котлах, питаться вместе или разносить пищу по домам. Занятия менялись по

договоренности, чаще всего через неделю. Так, в с. Тасеево, по описаниям середины XIX в., чередование легкого и тяжелого труда было следующим: выпечка хлеба — уход за скотом — «домовничество» — варка пищи — доение коров и т.д. Заметим, что «домовничество», т.е. мелкие повседневные заботы по поддержанию чистоты и порядка в доме, считалось отдыхом от других работ. Свекровь-бабушка при этом обычно ухаживала за детьми. Если она уже была в годах, то этим занималась одна из невесток.

Обычным явлением в Приенисейском крае было «примачество», когда за неимением сыновей в дом принимали зятьев — мужей дочерей. При разделе хозяйства в Енисейской губернии было принято, что не только сыновья, но и вдовы и даже бездетные вдовы имели право на определенный пай, зависевший от того, сколько лет женщина прожила в семье мужа.

Суровые условия сибирской жизни предусматривали и совместные работы, когда не было деления труда на мужской и женский. Это, прежде всего, относилось к полевым работам, покосу. Женщина-сибирячка не хуже мужчины могла косить косой и работать вилами или управляться с лошадей. Но истинно женскими и традиционными занятиями были выращивание и обработка льна или конопли («поскони»). Эти технические культуры требовали не менее 15 отдельных операций и работ, прежде чем будет выткано полотно. Причем большинство их были не только трудоемкими, но и выполнялись в летнюю жару или, наоборот, в период осенних заморозков.

С наступлением зимы женщины трудились не меньше, чем летом. С осени начиналась пора заготовки овощей впрок. Долгими осенне-зимними вечерами на «вечерках» или «посиденках» девушки и женщины пряли пряжу. С началом Великого поста наступало «ткацкое» время. Ручное ткачество было сопряжено с художественным мастерством. Тонкая пряжа шла на холсты для белья, рубашек, полотенец. Из более грубой пряжи ткали рядна на рукавицы, портянки, мешки. Ткали не просто полотно, но каждая женщина демонстрировала свое мастерство: при необходимости любая из них могла выткать «узорницу», «строчи» или «продольницу», т.е. ткани со сложным узором.

Каждая женщина не только должна была «обрядить» себя, мужа и членов семьи, но и наткать определенное количество холста на общие нужды. Холст шел на мешки для зерна и муки, для оплаты труда кузнеца или мельника, для покупки посуды у гончара, купли-обмена в деревенской лавке. Самым несерьезным видом ткачества считалось ткачество половиков и «дорожек» для горницы. Необходимо отметить, что сибирячки любили ткать цветное полотно. Для этого предварительно окрашивали пряжу природными красителями. Ткали в «клеточку», в «полосочку», в

«узор». Особого творчества требовало ткачество цветных украшений для мужских и женских рубаш, поясов и кушаков. На свадьбу девушка готовила для жениха узорчатый пояс с вытканными словами-пожеланиями и именем «суже-ного».

Сибирячки отличались и умениями вышивать полотенца, рубахи, платки, кисеты, накидки, холщовые штаны-«чембары» и др. С малых лет девочку обучали умению шить, вязать, ткать и вышивать. Многие сибирские мастерицы умели крючком вязать кружева для украшения скатертей, полотенец, накидок. Из овечьей, собачьей и коровьей шерсти вязались на спицах рукавицы, носки, чулки, шали, платки. Многие вещи в Сибири вязали из конского волоса.

С самого раннего возраста девочке внушалось, что женская судьба неразрывно связана с естественными для любой женщины умениями и работами. Все эти работы воспринимались не как безысходность и «каторга», а как естественное течение жизни.

Особенно примечательно то, что девочку в семье учили всем премудростям женского труда: ткать, прясть, доить корову, шить, выполнять иную работу «по-хозяйству», но мать никогда не учила приготовлению пищи, выпечке хлеба, не допускала ее до замужества для работы «в кути». Специфика выпечки хлебов, приготовления пищи, варки различных блюд, выпечка пирогов считались основными традициями данного дома. Поэтому будущая невеста не должна была «традиций своего дома нести в дом мужа». После свадьбы «молодучу» в первый год ее жизни в доме мужа не «обряжали» на общие работы. Свекровь ставила ее рядом с собой в «кути» и учила всем премудростям — традициям дома. Спустя 20 лет бывшая «молодуча», теперь уже свекровь, сама была хранительницей традиций своего дома и учила всему жену своего сына...

В преддверии старости, готовясь к «смертному часу», сибирячки сами выполняли последнюю, важнейшую работу — ткали и шили себе «смертное», одежду в последний путь.

Таким образом, весь круг работ женщины, цикличность, постоянное чередование легких и тяжелых, зимних и летних работ, труда и отдыха являлись основой ее нелегкой, но по-своему счастливой судьбы.

* * *

Ответы на программу сбора сведений..., составленные
Казачинским волостным правлением
Енисейской губернии (1897 г.)

[...] 7. При заключении браков имеются соображения, иногда недостаток работниц, дородство невесты, здоровье, способность к работе... в женихе дается

преимущество трудолюбие, имущественный достаток, трезвость и состав семьи...

21. Приданного в Сибири за невестой никакого не бывает, кроме употребляемого платья, а иногда... отец невесты награждает лошадью или коровой. Скотом и платьем заведывает жена... иногда скот продается... с общего согласия жены и мужа...

23. По имуществу супругов, в Сибири вообще нераздельному и общему... доходом с хозяйственных произведений пользуется же-на... вырученные деньги употребляет на покупку носимого пла-тья...; ведется обычай, что мужчины для жен и сестер запахивают пары по $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ десятины, засевая хлебом, отдают их в полную собственность...

24. Обязанности между мужем и женой по народной пословице: «Муж за гуж, жена за другой», жену муж обязан содержать... Богатства в крестьянском быту между мужем и женой бывают оди-наковы, работы для жены следующие: напоить и подоить коров, приготовить пищу и белье, в страдное время жена с мужем косит траву и кладет в кладь хлеб, иногда производит умолот, производит домашний обиход... в стряпне, мытье полов, прядении льна. На де-вухе... все обязанности, кроме стряпни...

МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА...

Сибирская деревня славилась землепашцами. Именно их сво-бодный, заинтересованный труд был основой благополучия и дос-татка, обустроенной жизни. Однако крестьянин одновременно вы-полнял в своем доме, на подворье, на заимке и пашне десятки других дел. Построить избу, огородить усадьбу, смастерить стол, согнуть дугу, починить сбрую, подшить валенки, свить веревки, сплести из тальника «морду» мог практически каждый хозяйственный крестьянин. Этим умениям учились с детства, непринужденно перенимая их от отца и деда, от мастерового родственника или соседа: ведь жить в деревне и постоянно обращаться по пустякам за помо-щью к друзьям и соседям не только не было принято, но и вызывало насмешки и неуважение односельчан.

В той или иной мере все владели различными ремеслами, но в любой деревне, в любом селе были истинные мастера своего дела, соединившие ремесло с искусством, постигнувшие все тонкости и секреты. Данный та-лант шел от природы, от умения постичь душу дерева, металла, глины, от трудолюбия и увлеченности. Многие из этих людей, оставив за собой не-большую запашку, огород, немного скота, добывали «хлеб насущный» ре-меслом.

КУЗНЕЦЫ

Были практически в каждой старожильческой деревне или селе. Во многих крупных селах встречалось 2 – 3 кузницы. Кузница рас-полагалась чаще всего за

деревней. Это было довольно просторное рубленое здание с черными от копоти стенами. В кузнице размещались сложенный из кирпича или камня горн, толстый чурбан с наковальней, чан с водой для закалки поковок, кожаные мехи для нагнетания воздуха, емкость для древесного угля, небольшой столик и топчан. Здесь же аккуратно развешивались вкладывались инструменты: клещи, ручники, кувалда, зубилья, молотки разных размеров, кочерга, железная лопатка и др.

Главное для кузнеца — чтобы было, из чего ковать: в те далекие времена абсолютно невозможно было встретить валяющийся на дороге гвоздь или «железку» — все подбиралось и шло в дело. Кузнечное ремесло было окружено многими тайнами секретами и чаще всего передавалось от отца к сыну. Впрочем, исследователи отмечали, что во многих селениях кузнецами были ссыльные поселенцы, переселенцы из-за Урала.

Получая за труд чаще всего натуральные продукты крестьянского хозяйства, кузнецы чинили оружие, наваривали сошники, делали к боронам зубья, ковали ножи, серпы, ухваты, светцы, дверные пробойники, гвозди и многое другое. Хороший кузнец мог выковать топор, долото, деталь для ружья не хуже заводского.

Однако у кузнеца было и более существенное дело — он подковывал лошадей. Для этого около кузницы обязательно делали станок: четыре столба с боковыми перекладинами и засовами.

Кузнец также «надевал» на колеса телег железные шины, «насекал» серпы (нарезал насечку). Круглый год не прекращался стук-перестук молота в кузнице, но особенно горячая пора наступала весной: задолго до сева и сенокоса крестьянин приводил в порядок орудия труда и инвентарь. По данным Н.М. Ядринцева, в среднем крестьянская семья расходовала на оплату тех или иных кузнечных работ до 10 руб. в год в денежном выражении.

ПЕЧНИК

Был одним из самых нужных и уважаемых мастеров старой деревни, ибо без печи нет избы, без печи нет жизни в доме. Если переставала вдруг у кого из крестьян топиться печь, не видно было утром дыма из трубы, соседи тут же спешили к человеку — что случилось? Вдруг несчастье?

Если икона была духовным центром дома, «матица» связывала семью и под ней решались важнейшие вопросы и заключались сделки, то печь была источником тепла и жизни.

Первоначально печи «били», т.е. на деревянный опечек устанавливали короб по периметру (современное слово — «опалубка»), частично плотно набивали густой, хорошо промешанной глиной, а затем устанавливали деревянный разборный свод —

«свинью», во-круг и поверх которого также утрамбовывали глину: для прочности в нее добавляли при замеске соль. Затем выводили трубу — короб на чердаке. Вынимали по частям «свинью», затем, просушив печь, ее слегка начинали подтапливать слабым огнем, чтобы она не по-трескалась. Печи получались монолитными, очень прочными. Рассказывают, что, бы-вало, в старину разбирали ветхий дом, а затем строили новый вокруг печи.

В XIX в. печи начали класть из кирпича. Тогда и появились на-стоящие, творчески работающие печники, потому что в каждой избе они по-своему складывали печь. Печь должна была соответствовать площади дома, ее высота зависела от роста хозяйки, вход в избу и планировка определяли ее местоположение и т.д. Хорошая печь не дымила в избу, «тяга» должна быть такой, чтобы выходил дым и в то же время не выдувало все тепло. Печь не должна быть угарной, но должна быть жаркой и в то же время «экономной» в отношении дров. Кроме того, на печи делалась достаточно обширная лежанка для стариков и детей. И, конечно, хороший мастер клал красивую печь: чтобы была аккуратна, украшена «печурками», карнизами, с гладкой обмазкой. Сибирские печи повсеместно дважды в неделю подбеливали, иногда расписывали узорами и орнаментом.

Хороший печник работал неторопливо, степенно, аккуратно. Основ-ными инструментами были мастерок и кельма. У такого мас-тера руки во время работы были чистыми. Хозяин от души кормил печника, оплату про-изводил по договоренности. Конечно, в каждой деревне мог быть не один печник, но хороший мастер обычно сла-вился на всю волость.

ГОНЧАР

Обычно снабжал своей посудой волость или целую округу. Для работы ему требовалась хорошая глина и печь для об-жига посуды. Технология изготовления глиняных изделий хорошо известна, но каждый мастер по-особому лепил горшок или кринку. Посуда могла быть «обливной» или «необливной», с узорами или без них. Из-готовив дос-таточно большую партию товара, гончар развозил его по деревням. Оплата производилась зерном или деньгами.

Из глины делали корчаги, большие сосуды с узким горлышком, крин-ки, горшки разных размеров для варки пищи, кубышки, ставцы, постав-цы, рыльники, ладки. Гончары лепили из глины также игрушки, сви-стульки.

СКОРНЯКИ И САПОЖНИКИ

Жили практически в каждой деревне. Десятки изделий из кожи были необходимы крестьянской семье в повсед-невной жизни: обувь повседневная, рабочая и праздничная, сбруя для ло-шади, зимняя,

теплая одежда из выделанных и обработанных кож и шкур. Скорняжное (кожевенное) дело — очень сложное и трудоемкое. Ему сопутствуют тяжелый неприятный запах, грязные условия работы, разлагающиеся отходы. Многие в этом ремесле — качество выделки кожи, внешний вид, прочность и долговечность будущего изделия — зависело от секретов мастерства.

Если кожа плохо выделана, то и сапоги из нее будут ссыхаться, тереть ноги, поэтому хороший сапожник, прежде чем взять у заказчика материал, придирчиво изучал качество работы скорняка. Как и многие другие ремесла, сапожное — очень сложное, кропотливое. Спешка в работе могла испортить кожу, внешний вид изделия или доставлять постоянный дискомфорт человеку: небрежно выполненной шов или складка будут причинами потертостей и мозолей.

Для шитья обуви требовалось 2 – 3 вида кожи, специальные инструменты: шилья, шпандырь, набор сапожных ножей, клещи, плоскогубцы сапожные, молотки, разгонки, рашпили. Заранее готовилась дратва; для этого через крюк в стене протягивались четыре или шесть нитей, попарно сучились, а затем скручивались вместе. Нить натиралась «варом» и с усилием заглаживалась куском кожи. Сапожники в старину не пользовались металлическими иглами, а всегда в концы нити вкручивали свиные щетинки. Низкий складной стул и кожаный передник дополняли оснащение рабочего места сапожника.

Конечно, сапоги шили в основном долгими зимними вечерами, но в Сибири встречались и профессиональные сапожники, ходившие из деревни в деревню и шившие обувь на дому заказчика. Деревенская молодежь считала особым шиком сапоги «со скрипом», для этого в подошву между слоями кожи сапожник вшивал пару пластинок бересты.

В конце XIX в. деревенские мастера оценивали сапоги в 3 рубля, выделка одной овчины стоила 10 копеек, кожи крупного рогатого скота — от 50 копеек до 1 рубля. Шитье полуботок портными обходилось в 2 – 3 рубля.

ШОРНИКИ

По характеру ремесла были сродни скорнякам и сапожникам, но изготавливали они конскую упряжь: хомуты, седелки, уздечки, шлеи, вожжи. Шорник должен был обладать художественными способностями, так как упряжь часто украшалась тиснением, кожаными кистями, медными бляшками и прочими «атрибутами».

МЕЛЬНИКИ

В сибирских деревнях были одними из самых зажиточных людей. Их мастерство и общественная

необходимость оплачивались со-ответственно. Мельницы строились водяные, а в степной и лесостепной зонах — ветряные. Последних было меньше. Водяные мельницы, в свою очередь, подразделялись на верхне-бойные («наливные») и нижнебойные («пихающие»), колесные и мутовчатые. К началу XX в. на речках у деревень стояло по 10 — 20 мельниц. Наряду с частными много было артельных, коллективных мельниц.

Под постоянное, мерное шуршание жерновов мельник вел такие же неторопливые беседы с хозяином зерна. Но он одновременно внимательно следил за процессом помола. Одного его взгляда или ощущения ладони, подставленной под теплую мучную струю, было достаточно, чтобы определить качество муки. Мельники — философы по натуре, люди, тесно связанные с природой, — были, по воспоминаниям стариков, предсказателями по-годы, знатоками примет.

В 80 — 90-е годы XIX в. за помол 500 пудов зерна в год крестьянская семья платила мельнику от 8 до 10 руб. или деньгами, или зерном.

ПОВИТУХИ и ЗНАХАРИ, КОЛЕСНИКИ и ЛОЖКАРИ, БОНДАРИ и ПИМОКАТЫ, ОХОТНИКИ и ДЕГТЯРИ, СМОЛОКУРЫ и УГЛЕЖОГИ, КО-НОВАЛЫ и СТОЛЯРЫ, ЛОДОЧНИКИ и ПОРТНЫЕ — это далеко не полный перечень профессий деревенских мастеров и умельцев. Они могли заниматься своим ремеслом как одновременно с земледелием, так и специализируясь на определенном занятии. Главное, чтобы мастерство приносило пользу и удовлетворение от работы как самому мастеру, так и людям.